

СИМВОЛИКА ЧИСЕЛ В «ЖИТИИ ЕВФРОСИНА ПСКОВСКОГО»

М. В. Первушин

«Житие Евфросина Псковского», основателя Елеазарова монастыря, духовного писателя XV в., сохранилось в нескольких редакциях XV–XVII вв. Интересующая нас Первоначальная редакция «Жития» была написана предположительно во второй половине 80-х годов XV столетия¹ и известна только в одном списке из собрания Ундольского Российской государственной библиотеки № 306.

Роль, которую сыграл в истории псковского иночества Евфросин, сравнима по значимости с трудами Сергия Радонежского для монашества московского². Однако известность Евфросину принесло его деятельное участие в богословских спорах об аллилуйе, разгоревшихся в Пскове в XV столетии. Уже на соборе 1551 г. авторитетом Евфросина и его «Жития» была повсеместно утверждена сугубая практика пения этого церковного славословия. Однако через сто лет на Большом московском соборе 1666–1667 гг. двойное возглашение аллилуйи было заменено тройным, а «Житие Евфросина», впрочем, как и сама его личность, подверглись резкой критике и осуждению. Это определило сложный характер литературной истории «Жития Евфросина», а также пристальный интерес к нему и со стороны старообрядческих книжников, и со стороны полемистов господствующего вероисповедания. Однако сложность этого бытования обеспечивали вторая и последующие редакции памятника, Первоначальная же редакция находилась в забвении. Она была обнаружена и стала доступна для научного изучения лишь с конца 60-х годов XIX столетия. Несмотря на то что с этого момента прошло уже около 150 лет, целый ряд проблем, связанных с изучением памятника, остаётся не только не прояснённым, но даже и не поставленным.

Изучая древнерусскую литературу с точки зрения использования в ней символических чисел³, невозможно оставить без внимания Первоначальную редакцию «Жития Евфросина Псковского». В ней встречаются синтаксические построения, которые основаны на числовых принципах и служат конструктивной основой архитектоники отдельных эпизодов изучаемого памятника. Их реализация происходит на уровне композиционного построения и стилистической организации текста. Основную конструктивно-нарративную роль выполняют здесь числа 1, 3, 4, 5, 7 и 15, мистико-символическое значение которых для древнерусской литературы было довольно значительно⁴. В исследуемом памятнике, как, впрочем, и в других памятниках литературы Древней Руси, согласно исследованию В. М. Кириллина, числописание реализуется двояко: вербально – в виде нумерологем (чисел-слов: един, трижды и т. п.), и невербально – в виде нумероформ, то есть чисел-конструкций (трёхчленных, пятичленных, пятнадцатичленных и т. п.)⁵. В «Житии Евфросина» встречаются и то, и другое числописание, причём особая выразительность наблюдается при комбинировании нумерологем и нумероформ, например: «*тривелелепное имя твое / (1) равночисленное и равнославное, / (2) и единое и единое, / (3) единое и равнославное / Отцу Господнее Слово Иисусе Христе*»⁶.

Основное ударение автор Первоначальной редакции «Жития Евфросина Псковского» делает на числах «один», призывая «люод церковный» к единству в пении аллилуйи, «два» (в данном примере имеется в виду не лексическое, а конструктивное выражение), указывая на правильность сугубой, то есть двойной аллилуйи и прославляя двуединую природу Богочеловека Христа; и «три» – прославляя Троицу. Причём особенностью синтаксических построений, основанных на числовых принципах, в авторском стиле изучаемого «Жития» является, во-первых, использование нумероформ, основанных на числе «два». Эта особенность несёт не только этикетную идейно-смысловую нагрузку, в которой значение фразы выражено более условно и слабо, хотя и отмечает обычно некую значимость (примером такого этикетного построения может служить стилистическая бинарность, свойственная стилю «плетения словес»). В исследуемом памятнике особенность использования нумероформ, основанных на числе «два», обладает отчётливой символической семантикой, являясь более функциональной как содержательно, так и стилистически. Число «два» так же, как и другие вышеназванные числа, обладает сакрально-мистической символикой и принадлежит к доктринально семантизированным числам через её символическую ассоциативность с богочеловеческой природой Христа, Первоначальная редакция «Жития Евфросина Псковского» является чуть ли не единственным памятником с такой (христоцентрической) особенностью использования «двойки».

Во-вторых, в исследуемом памятнике спецификой использования нумероформ и нумерологем, основанных на числах «три» и «четыре», несмотря на их всегда положительную энигматическую символику, является употребление этих чисел порой в отрицательном значении, как указание на неправильность пения трегубой аллилуйи и обличение тех, кто следует этой традиции.

Как пример этикетного построения числового иносказания, которое, кстати, является наиболее распространённой формой для любой нумерологической аллегории в литературе Древней Руси⁷, в «Житии» присутствуют и стилистическая симметрия («прославляючи прослави угодника своего, и наказуя накажет всяку душу» [20]), а также синонимика («вопия и глаголя и проповедуя» [42об]). Для автора памятника свойственны многочисленные повторы на синтаксическом, лексическом, смысловом уровнях, характерны многословные перечисления с наизыванием многочисленных определений характеристик предмета, действия и т. п. (до 15 к ряду): «аще Солнцю течение, и лучю его простертие, и месяцю бесьство, и звездамъ преходы, и въздуху пролитие, и ветромъ веяние, и облаком устремления, и морю глубины и бездны, или прьнатым прелеты, и четвероногым бръзость, или гадом от пресмыкания, или кая человеческая мудрость да не успеет ничтоже, или рыбаам преходы, или дню или ноши неизменное преступание, или веком устремления и длъгота, аще и мльне скорость, и громному тресканию успешная борзость, вся бо сиа тварь богозданна на службу человеку, но не в веки пребудет» (5–5об).

Он широко применяет стилистическую бинарность, свойственную стилю «плетения словес». Это выражается, например, употреблением двух имён или глаголов⁸ с почти синонимичным значением и связанных союзом «и»: «единако сли-

паше и стеньше сердцем» (62об); «ободритися и стрябитися» (111); «гнушаася и мръзостуаася» (84). Особенно часто встречаются повторы глагольных форм со значением «говорения»: «глаголаше вещающе», «рекосте глаголюще», «отвещавше реша» и т. п. Своеобразным видом повтора является и стилистическая симметрия, также довольно часто применяемая автором памятника: «да того делма божественное скровище открыто будет и небесное богатство познано будет» (12об), «яко в суету путь их и въ тщетную вещь труд ихъ» (41) и т.д. Ещё раз подчеркнём, что в этих случаях разновидность числового иносказания оказывается лишь этикетной. Она употреблялась автором как привычный и предпочтительный элемент стиля «плетения словес». Это видно из приведённых примеров стилистической бинарности. Но, повторимся, в плане идейной нагруженности их значение выражено более условно и слабо.

Особенно ярко стилистическая семантика видна в повторениях однокоренных нумерологем, которые являются «ключевыми»⁹ для всего текста. В «Житии Евфросина» автор с самого начала в разных вариантах употребляет слова, в основе которых лежит значение «един». Довольно показательным сопоставлением исследуемого памятника с классическими образцами орнаментальной прозы, например «Житием Стефана Пермского», что выявляет если не прямое заимствование, то подражание мастерам экспрессивно-эмоционального стиля предшествующего периода:

Житие Стефана Пермского	Первоначальная редакция Жития Евфросина Псковского
пермскую грамоту <i>един</i> чернецъ сложилъ, <i>единъ</i> съставил, <i>единъ</i> счинил, <i>единъ</i> калогерь, <i>единъ</i> мних, <i>единъ</i> инок, Стефан, глаголю, приснопомнимый епископъ, <i>единъ</i> во <i>едино</i> время... ¹⁰	Ты еси царю <i>единъ</i> Иисус Христось... <i>единъ</i> въ Троице ... имя твое равночисленное и равнославное и <i>единоравное</i> и <i>едино</i> раслено, <i>единородное</i> и равнопрославльное Отцю господнее слово... да навькнут христьяньскыя конци <i>едиными</i> усты <i>единогласно</i> славити <i>единосущную</i> Троицю... понеже бо Христа Божиа церкви во <i>единоверство</i> събрана...

Во всём тексте Жития Евфросина такие слова, объединённые значением «един», употребляются более ста пятидесяти раз. Можно предположить, что этим автор как бы призывает читателя обратить внимание на смысл читаемого, на его призыв к «христьяньскыя конци» *единогласно* славить Бога. Подобный орнамент содержит в себе и «Житие Сергия Радонежского». Только в его основе лежат слова, имеющие в своей лексической основе корень «три»¹¹. И всё же, в отличие от сочинения Епифания Премудрого, трудно определённо утверждать, на какую область семантики было ориентировано именно такое построение текста у автора «Жития Евфросина»: этикетную, дидактическую, риторическую, контекстуальную, конструктивную, теологическую, метафизическую или художественную. Скорее всего, он имел в виду смысловую полифонию.

Однако первый биограф не всегда использовал числописание лишь этикетно или прибегая к полисмысловым конструкциям. В некоторых частях его произведения числа, выраженные в нумероформах, обладают отчётливой символической семантикой, которая, кроме сакрального свойства чисел, передаёт внутренний, сокровенный смысл описываемых событий, явлений, вещей. Так, бинарность получает двойную смысловую нагрузку особенно там, где речь идёт о двоении аллилуйи. Автор не только словом и образом, но и стилистической семантикой пытается подчеркнуть важность церковной традиции, на которой стоял Евфросин. Например, сказав о необходимости «единными усты *воспевати и глаголати пресвятая песнь животворяща алилугия*» (13об), автор пишет и о результате этого правильного пения: «*бегая бежат* от нас неприязнени дуси, купно же и сам диавль, яко дым *исчезая да исчезнет*, яко от мльниши грома от божественаго страха и от опцего соуза любви вашае» (13об). Вообще речь Евфросина пронизана примерами бинарности: «грехи моа *есть* бо и аз *вельмь*» (26), «аз *молю* вы... темь же и *требую*... / и ныне *желаю* и *хощу*... / да *разумею* от ныне... и *проразумею*...» (27).

Концепцию двоения аллилуйи автор стремился выразить и через форму, подчиняя общей идее как стилистический, так и композиционный планы изложения. В структуре предложения встречаются такие «матричные» построения, которые напоминают строение сугубой аллилуйи. Одинарные или двойные синонимические конструкции, идущие друг за другом («аллилуия, аллилуия»), завершаются единым смысловым итогом («слава тебе Боже»): «и одарова мя *святою* иконою и *чюдною* зело, на *благословение* и *спасение* животу моему», и вывод — «ея же имама и до ныне у мене в монастыре нашемь» (36об); «аз... *прияхъ* и до ныне па че *глаголю* тако, и се яве *глаголю* вамъ и зело *тщуся*, любимици мои» и вывод — «до гроба съвршити сицевыа детели, образ Божественая удвоевая» (37). Сам Евфросин, говорит о себе: «*грешьна* человека и *груба* зело и *въ всякои слабости* и в *неисправлении*», делая вывод: «во гресех присна пред Богом» (23об). Такими «матричными» построениями буквально испещрён текст Первоначальной редакции. Приведём ещё несколько примеров таких построений без комментариев: «от глубины естественыа и кротости и от смиреномудраго ему сердца и от высоты боговидения, съ обильемь силу слова подаваа имь, глаголаще» (26об); «сице же и мучиници муками и ранами стражуше с любовию по Христе, огню и мечю съудолевше храброскы, яко Христови воины победная венци носящи» (45); «находящую нань укоризну и ругание от Иева и от народа градскаго трьяше доблествене, яко божи человекъ» (46об) и т. д.

Подобное «матричное» построение есть норма стиля «плетения словес»¹² и в данном случае конструктивно воплощает в себе ту числовую структуру, которая выступает в качестве символически семантизированного художественного элемента повествования и выполняет функцию довольно сильного и яркого средства образности.

Неслучайность таких «аллилуйных» конструкций подтверждают наблюдения за текстом в тех отрывках, когда автор начинает говорить о противниках сугубой аллилуйи, сторонниках трегубой. В них наблюдается специальное, даже можно сказать «насильственное» нарушение бинарности, в отличие от общего

стилистического построения текста, что позволяет говорить об определённой авторской задумке. Причём нарушение бинарности также происходит через ярко выраженные числовые структуры и могут быть как трёхчленными, так и четырёхчленными построениями: «народ же убо яко едиными усты въпиаху <к Иову, стороннику трегубой аллилуйи>: *приложи и приложи и исполни* Божество» (42); «Иевъ *вопиа и глаголя и проповедуя* всему градскому народу» (42об); «яко *восмръдетися* ему нестерпимым смрадом и *съзнити* от главы и до ногу *язвами и проказами* и *чръвми* живу *кипети* ему, от них же и *снен* бысь *конечнее*» (19об–20); «*укаряху* преподобнаго и *ругахуся* ему *глаголаху*, минующеи путем: *авва, рекуще* сице, *ту еретик* живет, и *недостойтъ* нам *покло<ни>тися* церкви его, *понеже* двоит пресвятая алилугия; и тако *мимогрядяху*» (46об) и т. д.

Также встречаются интересные авторские восклицания, повторяющие схему сугубой аллилуйи. Вот, к примеру, о неблагочестии распопа Иова – главного противника сугубой аллилуйи – «увы, увы и горе» (15) [= аллилуйя, аллилуйя, слава...], или обратное, но менее явное: «*възложи* патриархъ *рукоположение* свое на мою главу *непотребную* и *рек...* и *рек*» (36об); «*кое ны* есть свет или *кое ми* тма, *кое ми* есть паче къ *благочестию*» (49об).

Автор старался указать на троение как на ошибочную практику пения аллилуйи не только синтаксической формой, но и изменяя лексемы. Так, в эпизоде, посвящённом собору псковского духовенства (нечистивом, по представлению автора, так как синтаксическое строение этого эпизода пронизанного трёх-, четырёхчленными «матричными» конструкциями), Иов предложил: «Ныне же паче лепо нам во едино събратися *на испытание и истязание* чръноризцу оному, и *како намъ отвещает* и *что възглаголетъ*, *откуда* *взя* *сиа* и *како поведася* ему пресвятая двоити алилугие; да сего ради *велми истязан* будет и *вопрошен* твердо о вещи нашею властью в монастыре его» (18), – автор заключает: «Въоружахуся на святого и *троящи* *тяшкая* хулы и *словом* *нань* *пометающе*, *внимааху* бо *наречю* *нань* и *неправедному* *клеветанию* от *бесованиа* *Иевля*» (18об). Второй писатель, пресвитер Василий, исправил выделенное слово на «*строящи*» (Син. 634, л. 94). Это исправление повторили и Н. И. Серебрянский с В. И. Охотниковой, издавая Первоначальную редакцию «Жития». Однако, исходя из вышеприведённых наблюдений о ярко выраженной числовой структуре сочинения, можно заключить, что здесь имеет смысл именно этот глагол – «*троящи*».

Любопытны и следующие наблюдения над лексикой памятника, учитывая завидное методическое постоянство автора в использовании им приёма мистико-символической интерпретации числовых образов и соотнесённых с ними речевых конструкций. Например, во всём тексте Первоначальной редакции «Жития» с лексемой «аллилуйя» используются только 12 определений в форме прилагательного: «*святая*», «*пресвятая*», «*пречистая*», «*божественная*», «*божия*», «*неразлучная*», «*бессмертная*», «*животворящая*», «*присноживотная*», «*страшная*», «*неисследимая*» и «*чюдная*». Причём их употребление в каждом конкретном случае варьируется: несколько определений могут быть использованы вместе, а могут и по отдельности, некоторые из них применяются чаще, другие – реже, но общее количество остаётся неизменным – двенадцать. А сама эта лексема («аллилуйя»), учиты-

вая авторские призывы на протяжении всего произведения к единству (1) прославления Святой Троицы (3) посредством пения двойной (2) аллилуйи, используется ровно 132 раза.

Можно говорить и о других совпадениях при подсчёте количества нумерологем, употребляемых автором в сочинении. Так, слов с корнем «един» встречается в тексте «Жития» 160, столько же их и с корнем «три-тро» (160), а с корнем «дво-два» – 88. Соответственно если провести простой математический подсчёт, согласно древней практике, основанной на «уверенности в символической эквивалентности, мистическом тождестве любого многозначного числа с суммой составляющих его цифровых знаков»¹³, то мы получим одно и то же число «семь». Кстати, столько же раз обращался со своим словом и преподобный Евфросин к пришедшим от Иова для обличения и вразумления. Всего же за время споров автор «даёт слово» Евфросину 12 раз: 1) Что приидосте видети грешна человека... (23об); 2) Рцита, братиа, обличающа спроста грехи моа... (26); 3) Аз, отци моа и братья любовная... (26об); 4) Братиа моа възлюбленная... (29об); 5) Вы, братия моя, сице сами рекосте къ грубости моеи... (37об); 6) Недоброе благоумье принеосте в разумь мои... (38об); 7) Несть сеи столпь, содръжашеи благочестие... (39); 8) Трьпите, чада моя, да искусни к Божию наказанию будете... (44об); 9) Аще бы, рече, нарекоша мя блудника или татя... (47); 10) Божию милостию въ блажим смирение и Христове кротости... (48); 11) Благо есть, рече, надеятися на Бога... (60); 12) О милосердая Богородице... (60об).

Непосредственно в разделе чудес Первоначальной редакции стоят только два чуда, что, впрочем, неудивительно. Означенная двойка не представляется случайной, если соотносить её с прочими двойками агиобиографии¹⁴.

Таким образом, рассмотренные в «Житии» числовые формы используются и как формально-конструктивный принцип изложения, и как основной лексико-семантический компонент текста. Убеждая читателя в правильности сугубой аллилуйи, автор попытался выразить свои знания об этом предмете не только схоластически, но и эстетически, следуя в этом известной на Руси традиции символического богословия¹⁵. Автор продемонстрировал владение средствами сакрально-мистической числовой символики. Рассмотренное произведение являет собой образец последовательного использования числовых символов в их семантической связи с сюжетным построением «Жития» и его внутренним (сокровенным) смыслом. Именно такое использование числового иносказания как средства изобразительности требует смысловой расшифровки и идейно-эстетической оценки в изучении художественной специфики древнерусской литературы. Тексты с явлениями такого типа «встречаются в литературе реже и в принципе, если размышлять о присущей им числовой структуре, труднее поддаются аутентичному пониманию и трактовке. Тем, однако, выше их ценность как памятников художественного творчества, запечатлевших мысль изощрённую и отточенную, многосложную и изобретательную, возвышенную и сокровенную, ту, которая постигается “духовными очима”»¹⁶.

Вывод В. М. Кириллина о том, что «всплеск древнерусской литературной нумерологии наблюдался в XIV–XV веках и, вероятно, связан с возрождением в литературном творчестве данной эпохи экспрессивно-эмоционального стиля»¹⁷,

подтверждается и исследованием стилистики «Жития Евфросина Псковского», датированного нами серединой 80-х годов XV столетия. В целом, характеристика языковых и стилистических особенностей изучаемого памятника говорит об опытности автора и умелом владении им стилем «плетения словес».

¹ См.: *Первушин М. В.* Некоторые аспекты изучения «Жития Евфросина Псковского» // *Герменевтика древнерусской литературы*. Сб. 15 / Отв. ред. О. А. Туфанова. – М., 2009 (в печати).

² Подробнее см.: *Первушин М. В.* Преподобный Евфросин Псковский в контексте русской церковной истории // *Церковно-исторический вестник*. – М., 2004. – № 11. – С. 95–112.

³ Литературоведческое значение и актуальность такого исследования см.: *Кириллин В. М.* Символика чисел в литературе Древней Руси (XI–XVI века). – СПб., 2000.

⁴ Там же. – С. 14–50.

⁵ Там же. – С. 273.

⁶ РГБ, ф. 310 (собрание Ундольского), № 306. Л. 1. В дальнейшем цитируемые листы Первоначальной редакции будут указываться в скобках после цитаты без указания фонда и номера рукописи.

⁷ Там же. – С. 130.

⁸ Согласно В. И. Охотниковой, это «гендиадис» (см.: *Охотникова В. И.* Принципы литературной переработки источника при создании Василием-Варлаамом Жития Евфросина Псковского // *ТОДРЛ*. – СПб., 2004. – Т. 55. – С. 268). Однако, насколько нам известно, термин «гендиадис» (от греческого $\mu\epsilon\tau\epsilon\beta\epsilon\iota\omega\varsigma$ – «один» «через» «дважды», то есть одно понятие выражается через два слова) употребляется в филологии в двух значениях. 1) Это фигура речи, где существительное используется «вместо существительного и прилагательного». Например: «Рим силён отвагой и мужами» вместо «отважными мужами»; «мы получили благодать и апостольство» (Рим 1: 5), вместо «благодать апостольства», то есть это такое грамматическое явление, которое заключается в том, что союз «и» в определённых случаях выражает не сочинительную, а подчинительную связь, то есть связывает не равноправные слова, а такие, одно из которых подчинено другому. Или сложные прилагательные разделяются на исходные составляющие части. Например: тоска дорожная, железная (А. Блок «На железной дороге»). (*Гаспаров М. Л.* Гендиадис // *Литературная энциклопедия терминов и понятий*. – М., 2003. – Стлб. 161. 2) В научном обиходе гендиадис – это способ словообразования – разновидность сложения, в котором второй компонент представляет собой фонетическое видоизменение первого, например: коза-дереза, страсти-мордасти, трава-мурава, фокус-покус, чудо-юдо).

⁹ Термин Д. С. Лихачева. Подробнее см.: *Лихачев Д. С.* Историческая поэтика русской литературы. Смех как мировоззрение. – СПб., 1997. – С. 255.

¹⁰ Житие Стефана, епископа Пермского // *Святитель Стефан Пермский*. К 600-летию со дня преставления. – СПб., 1995. – С. 184.

¹¹ См.: *Кириллин В. М.* Епифаний Премудрый: умозрение в числах о Сергии Радонежском // *Герменевтика древнерусской литературы*. – М., 1994. – Сб. 6. – Ч. 1. – С. 80–120.

¹² *Стивак Д. Л.* Матричные построения в стиле «плетения словес» // *ТОДРЛ*. – СПб., 1996. – Т. 49. – С. 105–106.

¹³ *Кириллин В. М.* Символика чисел в литературе Древней Руси. Указ. соч. – С. 38–39.

¹⁴ Ср. с наблюдениями В. М. Кириллина над стилем Епифания Премудрого в «Житии Сергия Радонежского»: *Кириллин В. М.* Символика чисел в литературе Древней Руси. Указ. соч. – С. 213.

¹⁵ *Иванов М. С.* К проблеме богословского наследия Древней Руси (XI– начало XIII в.) // *БТ*. – М., 1989. – Сб. № 29. – С. 20–26; *Он же.* К вопросу о богословии символа // *ЖМП*. – М., 1984. – № 4. – С. 70–71.

¹⁶ *Кириллин В. М.* Символика чисел в литературе Древней Руси. Указ. соч. – С. 146.

¹⁷ Там же. – С. 283–284.